

А.Р. Вяткин

ИБ РАН

**Полный русский перевод
«Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня:
предварительные итоги**

В январе 2010 г. завершён огромный труд, начатый Р.В. Вяткиным во второй половине 1960-х гг. Девятый (последний) том «Исторических записок» Сыма Цяня отправлен в типографию и очень скоро появится на полках магазинов. Подчеркнём, что не читающий на китайском языке специалист впервые получает возможность пользоваться этим ценнейшим историческим памятником во всей его полноте. Не буду скрывать, я испытываю чувство гордости за отечественную науку и за моего отца, и благодарен судьбе, которая дала мне возможность принять активное участие в проекте такого масштаба.

Напомню, что *Ши цзи* (Исторические записки) созданы Сыма Танем и, в ещё большей степени, его сыном Сыма Цянем в II веке до нашей эры и представляют собой огромный и сложноструктурированный труд в 130 главах, общим объёмом в 526 тыс. иероглифов. Хронологические рамки этого произведения охватывают период примерно в две тысячи лет, а его география включает не только собственно Китай, но и множество сопредельных территорий от Индии на западе до Кореи на востоке, от Ферганской долины и Забайкалья на севере до Индокитайского полуострова на юге. По масштабам и многогранности он долгие века оставался самым значительным историографическим произведением человеческой цивилизации.

Ши цзи состоит из пяти разделов: *Бэньцзи* («Анналы») – 12 глав (Исторические записки, тт. I и II); *Бяо* («Таблицы») – 10 глав (т. III); *Шу* («Тракаты») – 8 глав (т. IV); *Ши цзя* («Наследственные дома») – 30 глав (тт. V и VI) и *Ле чжуань* («Жизнеописания») – 70 глав (тт. VII, VIII и IX). Чтобы представить себе всю гениальность труда Сыма Цяня, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать смысл и особенности каждого из разделов.

Разделы *Бэньцзи* и *Ши цзя* сейчас представляются классическими историографическими трудами, главными героями которых являются

императоры, князья (*ди, ваны, чжухоу*) и их ближайшее окружение. Но не забудем, что в II в. до н.э. этот подход был новаторским, поскольку то был не красочный рассказ о том или ином персонаже, и не летопись с тщательной (или не очень!) фиксацией событий при той или иной династии, когда восшествие на престол следовало за информацией о землетрясении или появлении трёхголового оленя. Перед нами – стройное историческое повествование, краткое для эпох мифических, и всё более подробное и глубокое для тех времён, для которых факты можно было подтвердить архивными документами и более или менее надёжными свидетельствами. Кроме естественного стремления историка оставить перед читателем правдивую картину свершившегося, характерной чертой этих двух разделов памятника можно считать явное или в различной степени скрытое стремление обнаружить и моральный двигатель поступков персонажей, и глубинную цель истории в целом. Подобные поиски видны и во многих других главах (особенно в разделе *Ле чжуань*).

Раздел *Бяо* («Таблицы») представляет собой уникальное, абсолютно новаторское творение Сыма Цяня. Это синхронистические таблицы, включающие в себя исторические события в крупнейших княжествах Древнего Китая с 841 г. до н.э. и до образования централизованной империи Цинь Ши-хуанди. Но на этом Сыма Цянь не остановился. Осознавая исключительную значимость периода развала циньской автократии и вызревания на её обломках Ханьской империи, он создал помесечные синхронистические таблицы на время с 209 по 201 г. до н.э. (гл. 16 *Ши цзи*). Древнекитайский гений составил синхронистическую годовую таблицу событий в княжествах и областях на период с 206 по 101 год (гл. 17-я), и для того же времени – таблицы для владений *чжухоу* (гл. 18–21). Наконец, была составлена синхронистическая таблица важных исторических событий на фоне назначений и перемещений высших сановников империи Хань (гл. 22). Вся эта грандиозная фактология, сгруппированная по временным горизонтам, открывает самые широкие возможности для работы современных историков.

Раздел *Шу* («Трактаты») стоит особняком: он представляет собой «энциклопедическую» вставку, обширные экскурсы в идеологические и интеллектуальные достижения тогдашнего Китая, в глубоко идеологизированные астрономию и музыку, в теорию и практику мелиорации и даже в более чем рациональную политэкономия.

Пятый раздел *Ле чжуань* («Жизнеописания») – самая большая (70 глав), исключительно разнообразная и, возможно, самая интересная часть памятника. Большая часть глав этого раздела представляет собой именно жизнеописания десятков выдающихся личностей. *Ле чжуани* собственно биографического содержания структурно можно разделить на три типа: 1) посвящённые одному персонажу; 2) парные жизнеописания, иногда называемые *хэ чжуань*; 3) групповые жизнеописания (*лэй чжуань*), когда в одной главе персонажи объединены по принципу профессиональной, социальной или морально-этической близости. Отдельную группу *ле чжуаней* составляют так называемые *фу чжуани* («рассказы с добавлениями»). Сюда можно отнести и вовсе не биографические главы, повествующие о народах

варварской периферии и о войнах с целью их порабощения; сюда же попадает интереснейшая 129-я глава, где описание предпринимательской деятельности конкретных персонажей сочетается с макроэкономическим анализом общества и идеологическими конструкциями. Если брать во внимание глубину и разнообразие типов *ле чжуаней*, то можно с полным основанием считать Сыма Цяня, жившего за полтора века до Плутарха, родоначальником биографического жанра не только в Китае, но и во всём мире.

Теперь попробуем кратко описать историю не империй, но переводческой эпопеи длиной в полвека, историю великого перевода одного из крупнейших памятников мировой культуры. Первые публикации Р.В. Вяткина о Сыма Цяне и его трудах относятся ко второй половине 1950-х гг. (статья «Сыма Цянь» в т. 41 БСЭ. М., 1955; в 1957 г. на международной конференции в Марбурге, ФРГ, он сделал развёрнутый доклад на тему: «Роль Сыма Цяня в развитии исторической науки»). На что в багаже отечественной синологии мог опереться Рудольф Всеволодович Вяткин, приступая в начале 1960-х гг. к работе над наследием основоположника китайской историографии? Можно без всяких преувеличений сказать, что опереться было практически не на что. Фрагменты отдельных глав, переведённые В.М. Алексеевым, Л.С. Переломовым и Ю.Л. Кролем исключительно в собственных научных видах и в индивидуальных стилях вряд ли могли стать основой предстоящей огромной работы. Тем более ею не мог быть весьма вольный перевод 17-ти *ле чжуаней*, выполненный известным переводчиком средневековой китайской классики В.А. Панасюком и вышедший в 1956 г. массовым тиражом в издательстве «Художественная литература».

В такой ситуации приступить к полному академическому переводу огромного и крайне сложного памятника мог только очень смелый исследователь. А Р.В. Вяткин ещё больше усложнил себе задачу, высоко подняв сразу же – в первом и втором томах – планку научной требовательности к качеству перевода, уровню комментирования и тщательности аппарата. Не во всём эту планку удалось впоследствии удержать, но ведь в одиночку тянуть такой воз вообще, казалось бы, невозможно. А он перевёл и издал четыре тома без всякой помощи, даже технической. Невольно вспоминаешь, как сейчас работают с *Ши цзи* в США: последний из изданных под руководством профессора Уильяма Нинхаузера томов переводили 12 человек, и это не считая технического персонала и при полной компьютерной оснащённости. Как же удалось Р.В. Вяткину сделать то, что и вообразить трудно, что не удалось ни одному западному синологу и в прошлом и по сей день? Ответ достаточно прост: талант, преданность науке и самоотверженное трудолюбие.

Теперь обратимся к западному опыту. Европейцы всерьёз познакомились с *Ши цзи* в XVIII в. и с того времени их интерес к этому памятнику непрерывно рос. Научное изучение и перевод начались в XIX в. работами Августа Фицмайера (1808–1887), который перевёл и издал 24 главы из *Ши цзи*. Энциклопедический характер труда отца и сына Сыма постоянно расширял круг «интересантов» и способствовал многочисленным попыткам европейских синологов XIX–XX вв. перевода отдельных глав

и их фрагментов. Но предпринять полный комментированный перевод первым отважился великий французский синолог Эдуард Шаванн (1865–1918), которому это удалось лишь отчасти: 49 глав полностью (т.е. 38 % памятника) и ещё две главы частично. Следующей была попытка известного американского сиолога Бартон Уотсона (род. 1925), который опубликовал в 1958–1969 гг. полные переводы 62 глав (48 %) и ещё девяти глав частично. Заметим, что работы Б. Уотсона отличались откровенной литературностью и слабостью комментариев. В 1990-е гг. в США началась работа над первым полным академическим переводом на английский язык. С 1994 по 2008 г. различные переводческие коллективы (всего 23 человека) под руководством У. Нинхаузера (W.H. Nienhauser, Jr.) опубликовали 5 томов, включающие 66 глав (51 % текста). Нельзя не отметить, что III том был посвящён Р.В. Вяткину в знак глубокого уважения к его вкладу в мировую синологию и содержит обширную статью о его научном и жизненном пути.

Подчёркивая колоссальный вклад Р.В. Вяткина в успешную реализацию «проекта *Ши цзи*», не будем забывать о его соавторах, помощниках, мудрых советчиках и консультантах. Осознавая грандиозность задачи и недостаток опыта, Р.В. Вяткин начинал работу не один, а вместе с превосходным знатоком китайского – Всеволодом Сергеевичем Таскиным (1917–1995). Если не в историографическом, то в языковом отношении это сотрудничество оказалось весьма плодотворным на первом, самом сложном этапе «вхождения» в памятник. Большую роль сыграли советы и поддержка таких видных китаистов, как М.В. Крюков и Ю.Л. Кроль. Нельзя не упомянуть и плеяду китайских комментаторов различных эпох: от Пэй Иня (V в. н.э.), Сыма Чжэня (713–742) и Чжана Шоу-цзе (VIII в.) до Лян Юй-шэна (1745–1819) и Цуй Ши (1852–1924). На протяжении всех лет работы над памятником Рудольф Всеволодович постоянно обращался к опыту китайских комментаторов различных эпох, нередко спорил с ними, но всегда стремился найти рациональное зерно в их толкованиях.

На заключительном этапе творческого пути, когда здоровье Р.В. уже серьёзно пошатнулось, немалую помощь в работе оказал заведующий кафедрой китайской филологии ИСАА при МГУ А.М. Карапетьянц, благодаря которому удалось успешно завершить VII том, увидевший свет уже после кончины Р.В. Вяткина. Уходя из жизни, он оставил в разной степени готовности главы с 86-й по 122-ю, что позволило мне и А.М. Карапетьянцу подготовить к изданию VIII том *Ши цзи*. К сожалению, продолжать работу над последним томом памятника А.М. Карапетьянц по состоянию здоровья уже не смог, и в 2008 г. под руководством сменившего его на посту заведующего той же кафедрой М.Ю. Ульянова и автора этих строк образовался новый, изрядно помолодевший научный коллектив в составе В.В. Башкеева, С.В. Дмитриева, С.В. Кирюхиной, М.С. Королькова, Н.К. Мугоряевой, Ф.В. Овчинникова и М.С. Целуйко. Пусть вклад каждого был неодинаков, но я признателен всем за бескорыстную помощь в завершении перевода великого памятника китайской историографии. Особо хочу отметить помощь видного отечественного сиолога С.И. Кучеры,

который помог справиться с наиболее сложными фрагментами текста и безотказно принимал участие в моих заочных спорах с многочисленными комментаторами различных эпох.

И ещё одно важное замечание. Я готов полностью разделить все переводческие и комментаторские удачи IX тома *Ши цзи* с каждым участником авторского коллектива, но за любую ошибку или неточность несу персональную ответственность, поскольку итоговая редактура всегда оставалась за мной.

2500 лет тому назад Конфуций говорил, что если понятия не определены, порядка не будет [4, с. 388]. Поэтому считаю своим долгом кратко перечислить те переводческие принципы, которые старался соблюдать при работе с текстом *Ши цзи*. Начну с фундаментальных понятий. В теориях перевода с любого древнего иностранного языка существует определённая шкала, в которой на нижней точке отрицается любая возможность адекватной передачи смыслов с языка одной культуры на язык другой. На другом конце шкалы расположились безграничные оптимисты, которые считают, что средствами богатого языка (т.е. языка с разнообразной лексикой и идеоматикой плюс с многофункциональной грамматикой) передать можно всё. Я же полагаю, что несмотря на некоторые утраты в виде лакун и ошибок переписчиков, очень многое можно понять, а следовательно – перевести. Но на мой взгляд недопустимо публиковать без всяких объяснений фразы, смысл которых остался непонятым. В этих случаях ссылки на «дословность» являются очевидным обманом читателя. Обычно ситуация позволяет предложить несколько вероятных трактовок с разной степенью убедительности, но в случае полной «темноты» фрагмента честь переводчика может спасти лишь откровенное его признание в невозможности на данном этапе добиться удовлетворительного результата. Такого рода «признания» читатель может обнаружить и на страницах русского перевода *Ши цзи*. Более того, уже после смерти Р.В. Вяткина, готовя к печати тома VII, VIII и IX, я считал необходимым отмечать в примечаниях все те ошибки, что были сделаны в первых шести томах, но обнаружались позднее.

Конечно, существует ещё более грозный противник – неадекватность понимания одних и тех же явлений, идей, поступков. Это делает обязательным проникновение в так называемый дух эпохи, понимание его нравов и обычаев. Более того, с каждым годом современная наука делает это понимание всё более адекватным, потому что с XX века процесс накопления текстов и, шире, фактов развивается по экспоненте, а потеря (особенно в применении к древности) почти не случается. Так, адекватность понимания учёными древних эпох, например Хань, объективно возрастает.

Существует ещё одно важное, положительное для любого переводчика Сыма Цяня обстоятельство. В дополнение к своим многочисленным «историографическим» талантам этот великий человек был ещё и здравомыслящей, с точки зрения XX века, личностью. Его вера в божественную субстанцию (Небо) носила весьма сдержанный характер, а иногда превращалась в откровенный атеизм. Достаточно вспомнить знаменитый эпизод с плохо скрытым возмущением историка по поводу недопустимых побряжек

Неба таким извергам, как главарь бандитов Чжи [5, с. 32–33]. Что же касается его отношения к магам и всевозможным предсказателям, различным мифам и чудесам, то его ироническое и даже издевательское отношение к таким вещам можно обнаружить во многих главах *Ши цзи*. Здравомыслие и своеобразный критический реализм Сыма Цяня являются хорошим подспорьем для перевода многих сложных фрагментов его труда.

Теперь немного о том, как конкретно переводились тексты памятника. Здесь неизменным принципом для меня было правило перевода смыслов. Любой эпизод или умозаключение, нашедшие отражение на страницах *Ши цзи*, должны быть поняты и переданы на грамотном русском языке. Недопустимы ни канцелярит, ни любые разновидности нечитаемой «зауми», которую некоторые исследователи позволяют себе публиковать, выдавая за «дословный перевод». Термин «дословный» вообще допустим лишь в тех крайне редких случаях, когда словарный корпус даёт не более одного-двух значений иероглифа. Какая может быть «дословность», если словари предлагают десятки вариантов, включая диаметрально противоположные?! Отсюда следует простой, но довольно тяжёлый в исполнении вывод: отбор смыслов при переводе любого аутентичного фрагмента древнего текста должен соответствовать взглядам и стилю автора, не противоречить внутренней логике фрагмента, соответствовать современному уровню наших представлений об эпохе и должен быть понятен носителям русского (в нашем случае) языка. В приложении к Сыма Цяню мы в литературном аспекте связаны ещё одним обстоятельством: этот великий историк считается на родине первоклассным писателем, фрагменты его труда попали в антологии «высокой» прозы. Это не значит, что надо следовать неудачным попыткам В.М. Алексеева и ритмизировать многотомный памятник. Но думать о красоте слога всё же необходимо.

Особый случай – интерполяции. Отряд интерполяторов значителен и далеко не все известны. Хорошо иметь дело с такими, как Чу Шао-сунь, который отметился открыто и стиль которого заметно отличается от сымацяньевского. Вставки многих других почти неотличимы от основного корпуса, а ориентироваться на степень невразумительности или стилистической небрежности – дело не очень надёжное.

Серьёзной проблемой оказался перевод многочисленных цитат из классических произведений предшествующих Западной Хань эпох, разбросанных по всему корпусу памятника. Можно было не тратить силы и цитировать уже опубликованные переводы корифеев отечественной синологии, но нередко пришлось бы выбирать: кто же авторитетнее? Обнаружился такой разнбой, что пришлось предпринимать собственные попытки перевода, исходя из базового постулата – Сыма Цянь никогда не цитирует впустую, вполне рационален в выборе классических образцов. В качестве примера нашего решения этой переводческой проблемы приведу случай из главы 126 (*Хуа цзи ле чжуань* — «Жизнеописания остроумных советчиков»).

Использованная Сыма Цянем фраза представляет собой цитату из сочинения Лао-цзы *Дао дэ цзин*, гл. 62. Как известно, текст этого важнейшего памятника китайской цивилизации весьма сложен для интерпретации, а следовательно, и для перевода. Сначала из почти двух десятков русских

переводов *Дао дэ цзина* мы предложим вниманию читателя четыре варианта, отличающихся от помещённого нами в текст IX тома *Ши цзи*.

Ян Хиншун: «Красивые слова можно произносить публично, доброе поведение можно распространять на людей» [2, т. 1, с. 133].

Б.Б. Виноградский: «Красивые слова подходят для базаров. Благородные поступки нужны для репутации» [1, с. 56].

И.С. Лисевич: «Изящные слова могут быть куплены ценою. Добрые поступки могут быть совершаемы всеми» [3, с. 278].

М.Ю. Ульянов предлагал собственный вариант: «Благодаря прекрасным речам можно заключать сделки; благодаря почтительному поведению можно возвыситься над людьми».

Ни один из показанных вариантов нас не удовлетворил. Наш перевод стремится отразить два важнейших момента: 1) удержать смысл в поле нравственных императивов; 2) сохранить противопоставления первой части и второй, торговлю – высоконравственному поведению, слова – поступкам. Вот что у нас получилось: «Прекрасными словами можно торговать, а превзойти других людей можно [лишь] достойными поступками».

Итак, работа над главами IX тома ещё раз показала, что памятник требует значительных переводческих усилий, непрерывных уточнений и доработок с учётом растущего уровня требований, выдвигаемых современной наукой. Предстоит значительная работа и над географической составляющей *Ши цзи*. До V тома «пространство» в книгах попросту отсутствовало, а локализация населённых пунктов в комментариях грешила неточностями и для подавляющего числа читателей была тайной за семью печатями. С VI тома я пытался последовательно расширять картографическую базу, которая в идеале должна превратиться в Географический атлас *Ши цзи*. В реальности до этого ещё далеко, а большой Исторический атлас (см. [6]), изданный китайскими коллегами, покрывает чуть больше половины известных Сыма Цяню географических объектов.

В последние годы в содружестве с «Восточной литературой» мы осуществили исправленные и дополненные переиздания I и II томов *Ши цзи*, за что отдельная похвала директору Светлане Михайловне Анিকেевой. Надеюсь, эта работа будет продолжена и, со своей стороны, обещаю: глубина редактирования и комментирования в следующих томах возрастет. Перспективы улучшения русскоязычной версии *Ши цзи* ещё очень велики, а с учётом необходимости её перевода в электронную форму для глобального пользователя представляются неисчерпаемыми.

Литература

1. Антология даосской философии. М., 1994.
2. Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972.
3. *Лао-цзы*. Книга пути и благодати. М., 2002.
4. *Переломов Л.С.* Конфуций. Лунь юй. М., 1998.
5. *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. VII. М., 1996.
6. The Historical Atlas of China. Beijing, 1985.